

ОЛЬГА ДАШКОВА

ОЛИГАРХ
и деревенская
ПЫШКА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ольга Дашкова

Олигарх и деревенская Пышка

<https://litres.ru/74134704>

SelfPub; 2026

Аннотация

Значит, слушайте. Приехал к нам один.
Красивый, богатый, в дорогих туфлях.
Привез юриста и план снести нашу деревню к чертовой бабушке и построить гольф-клуб.
Я вышла его встречать с самоваром и в лучшем кокошнике.
Со мной был петух. Мы были готовы.
Он, если честно, нет. Думал, купит землю и уедет.
Не учел одного: в Малых Петушках все идет не по плану.
Особенно когда план составляла не я.
Война началась сразу.
Куры во дворе, пироги с сюрпризом, дядя Петя с самогоном под окном в два часа ночи.
Я держалась. Я была железная.
До тех пор, пока он не перестал смотреть на меня как на помеху.
И начал смотреть по-другому.
Вот тут у меня и кончились все планы.

«Олигарх и деревенская пышка» – роман о том, что бывает, когда упрямство встречается упрямство, а ненависть подозрительно быстро становится чем-то совсем другим.

Содержание

Глава	5
Глава 1 Аглая «Добро пожаловать в ад, ваше богатство»	6
Глава 2 Кирилл «Что за цирк я купил?»	14
Глава 3 Аглая «Я ему устрою курорт... деревенский»	22
Глава 4 Кирилл «Эта женщина меня убьет»	29
Глава 5 Аглая «Я не должна хотеть этого мужчину»	37
Глава 6 Кирилл «Я здесь по делу. Напоминаю себе»	44
Глава 7	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Ольга Дашкова

Олигарх и деревенская Пышка

Глава

Значит, слушайте. Приехал к нам один. Красивый, богатый, в дорогих туфлях. Привез юриста и план снести нашу деревню к чертовой бабушке и построить гольф-клуб. Я вышла его встречать с самоваром и в лучшем кокошнике. Со мной был петух. Мы были готовы. Он, если честно, нет. Думал, купит землю и уедет. Не учел одного: в Малых Петушках все идет не по плану. Особенно когда план составляла не я. Война началась сразу. Куры во дворе, пироги с сюрпризом, дядя Петя с самогоном под окном в два часа ночи. Я держалась. Я была железная. До тех пор, пока он не перестал смотреть на меня как на помеху. И начал смотреть по-другому. Вот тут у меня и кончились все планы.

«Олигарх и деревенская пышка» – роман о том, что бывает, когда упрямство встречается упрямством, а ненависть подозрительно быстро становится чем-то совсем другим.

Глава 1 Аглая «Добро пожаловать в ад, ваше богатство»

Все началось с петуха.

Точнее, все началось с того, что дядя Петя – наш почтальон, главный источник деревенских новостей, сплетен и нервных срывов – влетел в мой двор в половине восьмого утра и заорал так, что Барон фон Клюв в испуге свалился с забора.

– Аглая! Аглаюшка! Беда, матушка!!

Я в этот момент стояла в летней кухне, только начав месить тесто для пирогов с капустой, и была в таком виде, который культурные люди описывают как «домашний», а честные – как «страшный сон соседей».

Старый сарафан в горошек, волосы кое-как заправлены под платок, на носу мука, на щеках мука, на совести тоже что-то вроде муки, но это уже отдельная история.

– Дядя Петя, – сказала максимально спокойно, – еще раз так заорете утром, и я сделаю из вас начинку. У меня как раз теста хватит.

Но он уже не слушал. Влетел, плюхнулся на табурет, схватил со стола кружку с чаем – мою кружку, между прочим – и одним глотком опустошил наполовину.

– Ты знаешь, кто к нам едет?! Кто землю нашу русскую

скупить хочет?! Глебов! Кирилл Михайлович Глебов! Эх, паразит, душа продажная!

Я замерла. Тесто в моих руках предательски сжалось в комок.

– Глебов, – повторила медленно. – Это который в Forbes?

Я хоть и в деревне живу, но новости читаю.

– Он самый! Олигарх! Хочет здесь гольф-клуб строить! С каким-то этим... спа, шам, бля и тд и тп!

Спа? Гольф? В Малых Петушках? Там, где главная достопримечательность – колодец с ржавой цепью и почтовый ящик, который дядя Петя вешал еще при Брежневеве?

Что-то внутри меня отчетливо щелкнуло. Не надломилось, именно щелкнуло, как взводимый курок. Вытерла руки о передник, обернулась к дяде Пете и очень тихо сказала:

– Во сколько он приезжает?

– К полудню, говорят. На трех машинах! Целый эскорт, со всей свитой, я слышал, как Василь Василич шептался с Кочергой.

Для справки: Василь Василич – это наш, так сказать, глава поселения, выбранный честно на голосовании, а Кочерга – Кочергин Иван Александрович, его, так сказать, рука, какая – в курсе все, именно та, что растет из жопы.

Три машины. Ну конечно. Приедет барин на трех каретах, огородит деревню забором и построит здесь рай для тех, кому скучно жить в Дубае.

Не-а. Не получится.

У меня было четыре часа. Этого более чем достаточно.

Начала я с кокошника.

Бабушкин кокошник – алый, расшитый золотыми нитями и жемчугом, который, скорее всего, не настоящий, но смотрится так, что неважно. Он лежал в шкафу в специальном чехле. Я берегла его для особых случаев.

Свадьба подруги в прошлом году, районный фестиваль народного творчества, день рождения Валеры. Теперь вот встреча барина.

– Ну и случай, – сказала я своему отражению в зеркале, водружая кокошник на рыжую голову. – Аглая Серафимовна, ты либо умна, либо безумна. Хотелось бы верить, что первое.

Отражение смотрело с легким сомнением.

Дальше был красный корсет. Тот самый, который я купила три года назад на распродаже, надела один раз на Новый год и больше не трогала, потому что в нем невозможно нормально дышать, зато очень хорошо выглядишь.

Сегодня дышать было необязательно. Сегодня требовалось производить впечатление.

К корсету шла широкая юбка с деревенским узором. Поверх всего этого великолепия – передник. Нарядный, праздничный. Чтобы было понятно: я не просто так красивая. Я красивая и при деле.

Самовар я взяла в обе руки и подняла. Килограммов во-

семь, не меньше. Бабушка им, говорят, однажды прогнала незваного гостя. Не в переносном смысле, а в буквальном. Гость потом долго хромал.

Традиции надо чтить.

– Барон!

Барон фон Клюв выглянул из-за куста смородины одним глазом. Он был рыжий, как я, наглый, как я, и имел привычку сначала делать вид, что не слышит, а потом все равно делать по-своему – тоже, по мнению некоторых, как я.

– Пойдешь со мной. Торжественная встреча. Будешь символом деревни.

Петух покосился на самовар, оценил ситуацию и нехотя направился к калитке. Умная птица. Себе на уме, я его уважала.

Мы вышли на дорогу ровно в половине двенадцатого.

Июльское солнце жарило нещадно, в полях звенели кузнечики, откуда-то тянуло свежескошенной травой и дымком. Малые Петушки в лучший час выглядели так, что даже у меня – человека, который знал здесь каждую выбоину и каждую склочную бабку – перехватывало дыхание.

Мы с Бароном встали посередине дороги. Я с самоваром. Он с видом существа, которое уже решило, что это его земля, и чужаков здесь не потерпят.

– Хорошая позиция, – одобрила я. – Держись.

Ждать пришлось минут двадцать. За это время я успела

поздороваться с тетей Зиной, объяснить бабе Нюре, что нет, замуж я не собираюсь – ни за Валеру, ни за кого другого, и вообще это не ее дело, и один раз переложить самовар из правой руки в левую, потому что руки все-таки не казенные.

А потом на горизонте появилась колонна автомобилей.

Три черных внедорожника с московскими номерами. Ехали медленно, видимо, водители никогда не видели дорог с таким количеством характера. У нас тут каждая яма – историческая ценность.

Первая машина притормозила в метре от меня.

Вышли несколько мужчин. Двое в черных костюмах с кирпичными лицами, один было двинулся ко мне, но тут дверь другого автомобиля открылась, и вышел сам виновник моего кокошника и корсета.

Он что-то сказал охране, они отступили, а мужчина направился ко мне.

Я приготовилась люто ненавидеть.

Кирилл Михайлович Глебов оказался высоким. Это была первая мысль, которая пришла мне в голову – и это меня разозлило, потому что это совсем не та мысль, которая должна приходиться в голову защитнице родной деревни.

Темные волосы, немного растрепанные – видно, снял пиджак прямо в машине. Светло-голубая рубашка, которая несказанно подходила под цвет его глаз, что тоже, кстати, неуместное наблюдение, с закатанными рукавами.

Темные брюки. Дорогие туфли – и вот здесь я была уве-

рена именно в этом слове: дорогие, потому что такие блестят иначе. Не ярко, а как-то тихо и с достоинством. Как у человека, которому не нужно ничего доказывать.

Лицо серьезное, собранное. Скулы острые. Взгляд такой, каким обычно смотрят на таблицы в Excel.

Он посмотрел на меня. На самовар. На Барона фон Клюва. Пауза длилась ровно столько, сколько нужно, чтобы понять: человек не знает, что делать. Первый раз за долгое время – судя по тому, как это смотрелось со стороны.

Я улыбнулась своей лучшей улыбкой, той самой, что бабушка называла *«улыбкой Аглаи перед чем-то нехорошим»*.

– Добро пожаловать в Малые Петушки, – сказала громко и торжественно. – Хлеб-соль кончился, самовар взяла по пути. Вы, значит, барин наш новый будете?

Мужчина смотрел на меня несколько секунд.

– Глебов, – голос оказался низким, спокойным. Таким, каким разговаривают люди, привыкшие, что их слушают. – Кирилл Михайлович. Я здесь по деловым вопросам, вы мешаете движению.

– Знаем, знаем, – переложила самовар поудобнее. – Землю нашу хотите под гольф-клуб. Очень интересно. А вы в гольф-то хоть играете, Кирилл Михайлович?

– Играю.

– Хорошо играете?

– Достаточно.

– Тогда вам пригодится, – кивнула на раздолбанную до-

рогу под его туфлями, – вот это поле для тренировок. Бесплатно. Лунок нет, зато ямы на любой вкус.

В его глазах мелькнуло что-то, что у другого человека я бы назвала началом улыбки. Но он сдержался. Профессионал.

– Мне нужно поговорить со старостой.

– Василь Василич на рыбалке до вечера. Я его дочь. Заместитель по всем вопросам.

– У него нет дочери-заместителя.

Я моргнула. Подготовился, значит.

– Хорошо. Я просто Аглая Серафимовна Василькова. Местная жительница и категорически возражаю против вашего гольф-клуба. Для начала достаточно?

Он посмотрел на самовар. На кокошник. На меня.

– Вы всегда так встречаете гостей?

– Только особенных. Вам повезло.

И тут Барон фон Клюв, который до этого момента держался с аристократическим достоинством, сделал три шага вперед и со всей силы клюнул Глебова в левый ботинок.

Дорогой. Тихо блестящий. С достоинством. Олигарх посмотрел вниз. Потом на петуха. Потом на меня.

– Это ваше?

– Наше, – поправила. – Деревенский. Барон фон Клюв, прошу любить и жаловать. Он здесь тоже хозяин.

Глебов сделал глубокий вдох. Медленный, контролируемый. Вдох человека, который платит психологу очень большие деньги за умение не терять лицо в непредвиденных си-

туациях.

– Хорошо, – сказал наконец. – Я вернусь завтра. С юристом.

– Приезжайте, – согласилась любезно. – Пироги как раз поспеют, тесто готово. Хотя для вашего юриста, может, не хватит. Я вам с грибами испеку, они ой как хорошо очищают кишечник.

Глебов больше ничего не сказал, сел в машину, кортеж тронулась на задней передаче. Я смотрела вслед трем черным внедорожникам, пока они не скрылись за поворотом у березовой рощи.

Барон фон Клюв встал рядом и посмотрел туда же.

– Ну все, – сказала тихо. – Объявлена война.

Петух кукарекнул. Коротко, деловито, как ставят точку. Самовар оттягивал руки. Кокошник сидел криво. Корсет давил в районе ребер так, что философские мысли приходили сами собой.

Ну все, Аглая Серафимовна. Теперь точно замуж никто не возьмет. Особенно с петухом и самоваром.

Подхватила самовар поудобнее и пошла домой ставить тесто на вторую партию пирогов. В конце концов, война войной, а обед по расписанию. Скоро точно придет дядя Петя с новой порцией сплетен, надо его накормить, а то он вечно забывает закусывать.

Глава 2 Кирилл «Что за цирк я купил?»

Всю дорогу до усадьбы молчал.

Паша, мой бессменный водитель, телохранитель и единственный человек, которому было позволено иногда дышать громче положенного, тоже молчал.

Но как-то красноречиво. Он умел молчать так, что это было отдельным высказыванием. Развернутым. С подтекстом.

Два часа назад я отпустил остальных охранников обратно в Москву. Не потому что здесь безопасно, а потому что смотреть на их старательно нейтральные лица после встречи с женщиной в кокошнике и с самоваром наперевес я физически не мог.

– Паша.

– Да, Кирилл Михайлович.

– Ты видел это?

– Видел.

– И что скажешь?

Пауза. Долгая, взвешенная. Паша выбирал слова с осторожностью сапера.

– Красивая, – сказал наконец.

Я закрыл глаза и откинулся на спинку сиденья.

Красивая. Ну да. И с самоваром. Это как-то связано?

Усадьба, которую мой агент нашел за трое суток по запросу «аренда, деревня, прилично», на фотографиях выглядела как «аутентичный русский дом с историей».

В реальности это означало: большой продуваемый сруб, печь, которая последний раз топилась предположительно при Ельцине, и колодец с ведром на веревке. Вербка вызывала вопросы.

– Здесь нет кофемашины, – сообщил Паша, обойдя кухню и вернувшись с видом человека, увидевшего что-то необратимое.

– Знаю.

– Интернет ловит только у северного окна. Если встать на табуретку.

– Паша.

– Да?

– Иди найди баню. Затопи.

Паша посмотрел в окно на баню. Баня смотрела на Пашу. Судя по всему, они друг другу не понравились.

Открыл ноутбук, нашел место с сигналом: угол подоконника, поза, от которой мой остеопат потом потребовал бы надбавки, и попытался работать. На экране был открыт файл с концепцией: гольф-клуб, люкс-спа, эко-отель, «русская природа с европейским комфортом».

Три недели назад все это казалось очевидным. Точнее, казалось очевидным Фельцману, а потом как-то стало моей проблемой.

Фельцман.

Вспомнил тот вечер. Переговоры затянулись до полуночи, потом появился коньяк, а потом Аркадий Семенович Фельцман, мой партнер и по совместительству человек с врожденным талантом говорить именно то, что не надо, откинулся на спинку кресла и произнес с ленивой улыбкой:

– Знаешь, Кирилл, ты умеешь делать деньги из денег. Но из ничего – слабó.

– Из ничего делают фокусники и дети.

– И настоящие предприниматели.

Коньяк был хорош. Это многое объясняет.

– Хочешь спорить? Даю тебе убыточный актив. Деревня, Центральная Россия, все документы уже на столе. Едешь сам, живешь месяц как местный, делаешь работающий бизнес. Слабо?

– Что на кону?

– Проигрываешь –ходишь в совет директоров моего агрохолдинга. Три года, безвозмездно. Выигрываешь – я захожу в твой.

Надо было промолчать. Или выпить чуть меньше. Или хотя бы уточнить, что именно означает «как местный».

Оказалось – буквально.

Снаружи донесся звук, который я не сразу опознал. Мужской голос, низкий, самозабвенный и не попадающий ни в одну известную тональность, выводил что-то народное про березы и несчастную любовь. С чувством. С душой. Пример-

но мимо всех нот.

Я подошел к окну.

Под забором стоял мужик лет пятидесяти в форменной фуражке набекрень. Рядом с ним – трехлитровая банка с мутноватым содержимым, опустевшая примерно наполовину. Он посмотрел вверх, заметил меня, радостно помахал рукой и запел заметно громче.

Я постучал по стеклу. Он снова помахал.

Это происходит. Это реально происходит со мной.

Вернулся к ноутбуку и попробовал сосредоточиться на смете. Цифры стояли на месте, но в голове некстати всплывало другое: рыжие косы, кокошник набекрень и взгляд – совершенно бесстрашный, с искрой, которую я не сразу расшифровал, а потом расшифровал.

Ей было весело. По-настоящему весело, без игры на публику.

Ей было весело?

Когда последний раз кто-то смотрел на меня как на источник развлечения, а не угрозу или возможность, я не мог вспомнить. Наверное, давно. Наверное, очень давно. Никогда.

Со двора донесся грохот. Потом еще раз. Потом звук, который я бы описал как «что-то упало и докатилось до забора».

Я вышел.

Паша стоял перед баней и смотрел на поленья. Поленья

лежали в живописном беспорядке. Рядом топтался невысокий мужичок в телогрейке, который что-то активно объяснял, жестикулируя обеими руками.

– Паша, что происходит?

– Знакомьтесь, Кирилл Михайлович. Это Степаныч. Он объясняет, почему баня не топится.

– Дымоход заложен, – пояснил Степаныч с готовностью.

– Вороньим гнездом. Там семья.

– Семья?

– Птенцы у них. Три штуки. Маленькие еще. Крикливые.

Их сейчас никак нельзя трогать.

Я посмотрел на баню. Баня ответила мне полным спокойствием строения, которое никуда не торопится.

– Альтернативы есть?

– Колодец, – сообщил Степаныч бодро. – Вода хорошая. Холодная, правда. Ну так июль же, не замерзнете.

– Он серьезно? – я посмотрел на Пашу.

– Абсолютно, – тихо ответил Паша.

Потер переносицу. Потом переспросил у Степаныча, есть ли в деревне хоть какой-то душ. Степаныч наморщил лоб, подумал и сообщил, что у Нюры Кривошеевой летом стоит садовый шланг, но Нюра характером крутовата и чужих не любит, особенно городских. Потом добавил, что, впрочем, если угостить ее самогоном, она, пожалуй, пообреет.

– Откуда взять самогон? – спросил я уже из академического интереса.

– Так у меня есть, – сказал Степаныч просто.

Из темноты за забором в этот момент грянуло торжествующее «КУ-КА-РЕ-КУ». Мощное, многоярусное, с явными оперными амбициями.

Я медленно повернул голову.

На заборном столбе сидел рыжий петух и смотрел на меня с узнаванием. И, клянусь, с удовлетворением.

– Это тот самый, – сказал Паша.

– Вижу.

– Может, прогоним?

– Паша. Он сидит на чужом заборе, на чужой территории. У нас нет юридических оснований.

Петух кукарекнул еще раз – явно для закрепления результата – и спорхнул с забора.

Паша исчез куда-то минут на двадцать, а вернулся с банкой творога, десятком яиц и бидоном молока. Поставил на стол с гордостью, словно успешно завершил боевую операцию.

– Где взял?

– У Степаныча купил. Предлагаю яичницу.

– Ты умеешь делать яичницу?

Пауза. Красноречивая.

– Я смотрел видео по дороге.

Яичница вышла нормальная. Не в том смысле, что получилась, а в том, что технически это было яйцо на сковороде. Степень готовности тяготела к окончательной.

Творог я ел прямо из банки деревянной ложкой, которую нашел в ящике стола, и думал о том, что в Москве в эту минуту мой повар, вероятно, как раз заканчивает ужин из трех блюд.

Потом вышел на крыльцо.

Небо над Малыми Петушками оказалось уже совершенно неприличным. Черное, густое, без единого городского огня, с таким количеством звезд, что это выглядело как дешевый спецэффект.

Июль пах травой, нагретым деревом, чем-то цветущим, чему я не знал названия. Мужчина за забором допевал очередной куплет, перейдя уже к какому-то романсу.

Аркадий Семенович, ты доволен?

Попробовал восстановить в голове план на завтра: юрист приедет к десяти, встреча с главой поселения – к полудню, осмотр участка, предварительные переговоры. Все логично, все под контролем.

Вот только девушка с самоваром сказала «приезжайте, пироги поспеют» таким тоном, словно уже знала, чем кончится партия, и от этого было только интереснее.

Я впервые за несколько лет не был уверен, что знаю это тоже.

– Паша, – позвал.

– Да, Кирилл Михайлович?

– Завтра едем к десяти. И купи у Степаныча самогон.

– Зачем?

– Говорят, здесь без него к людям не подойдешь.

Паша помолчал секунду. Потом очень серьезно кивнул.

– Сделаю.

Крыльцо скрипело. Где-то в темноте возился петух. Мужик наконец замолчал, что само по себе было отдельным событием.

Я подумал, что завтра надо держаться. Что это просто деревня. Что я справлялся с советом директоров в семь человек, с налоговой проверкой длиной в полгода и с партнером, который однажды попытался продать мою долю, пока я был в Дубае.

Рыжая женщина с самоваром – это просто местная активистка с хорошей реакцией.

Просто активистка. Ничего большего, и не с такими справлялись.

Глава 3 Аглая «Я ему устрою курорт... деревенский»

Стратегическое совещание проходило на моей кухне в восемь утра.

Присутствовали: я, дядя Петя с кружкой чая и пирожком в каждой руке, баба Нюра с выражением лица человека, который давно готов к боевым действиям, и Барон фон Клюв, устроившись на подоконнике в качестве военного советника.

Повестка дня была одна: как выжить барина из деревни, не нарушая уголовный кодекс.

– Можно ему в колодец лягушек накидать, – предложила баба Нюра после первой минуты молчания.

– У него свой колодец. И воду он, скорее всего, из магазина возит.

– Тогда в машину.

– Баба Нюра, мы не уголовники. Мы партизаны. Разница принципиальная.

Дядя Петя поднял руку.

– Я могу его письма перепутать. Случайно.

– Какие письма, дядя Петя? Они все в телефоне делают.

– Тогда могу петь под окном. Я умею. Вчера пел.

– Это я уже слышала, – сказала баба Нюра сухо, – все мы слышали, спасибо.

Дядя Петя нисколько не обиделся, потянулся за очередным пирожком и задумался.

Я смотрела в окно на двор Глебова, который был отлично виден из моего огорода через старый забор с выломанной доской. Никакого подглядывания, просто удобная позиция для стратегического наблюдения. Мои куры думали так же и регулярно пролезали в эту дыру на разведку.

Куры.

Я посмотрела на своих кур. Куры паслись во дворе с безмятежностью существ, у которых нет никаких планов. Семь штук, включая особо самостоятельную Матрену, которая однажды дошла до райцентра и вернулась только к вечеру, причем явно довольная собой.

– Я придумала, – сказала я.

Все посмотрели на меня. Барон фон Клюв повернул голову.

– Куры случайно выйдут погулять.

Пауза.

– Куда? – уточнил дядя Петя.

Я кивнула в сторону забора.

Баба Нюра улыбнулась впервые за утро. Улыбка получилась такая, что Барон фон Клюв на всякий случай пересел подальше.

Операция прошла в десять утра, когда, по моим наблюдениям, его охранник уехал в магазин, а барин работал в до-

ме. Я просто починила забор. Точнее, отремонтировала одну доску так, что она теперь открывалась внутрь при малейшем давлении. Технически это был ремонт. Почти.

Матрена обнаружила новую дверь через четыре минуты. Еще через три – весь курятник был в чужом дворе.

Я наблюдала через щель в заборе, прикусив кулак, чтобы не смеяться вслух. Куры рассредоточились по двору с профессиональной методичностью. Матрена сразу направилась к крыльцу. Две другие обнаружили что-то интересное под яблоней и начали раскапывать с таким усердием, словно знали, что здесь зарыто что-то важное.

Дверь открылась. На крыльцо вышел Глебов.

И вот тут у меня что-то в голове заклинило. Не насовсем, просто на несколько секунд, которых вполне хватило, чтобы нанести серьезный ущерб моей репутации убежденного противника барина.

Никакой рубашки.

Никаких дорогих туфель.

Спортивные штаны, босые ноги, и все остальное, что полагается мужчине, который явно не забывал про спортзал последние лет десять. Плечи, которые в голубой рубашке при первой встрече я по глупости не оценила.

Руки, о которых можно было писать отдельный том. И лицо со следами подушки на щеке, что делало его неожиданно и совершенно несправедливо человеческим.

Аглая Серафимовна, прекрати!

Я прекратила. Почти.

Глебов остановился на крыльце и уставился на кур. Куры уставились на него. Матрена сделала шаг в его сторону с таким видом, словно она готова к переговорам, но только на своих условиях.

– Что происходит? – спросил он, ни к кому конкретно не обращаясь.

И тут из-за угла дома, где он, по всей видимости, нашел что-то особенно ценное, появился Барон фон Клюв. Вышел, остановился, оценил обстановку. Потом посмотрел на босые ноги олигарха. Потом на его лицо. Потом снова на ноги.

Выбор был очевиден.

Барон атаковал левую ногу с той же решительностью, с которой вчера атаковал дорогой ботинок. Разница в том, что ботинок был из кожи, а нога оказалась чувствительнее.

Реакция Глебова была мгновенной. Он отступил на шаг, сматерился так, что у меня в голове сами собой сложились три новых слова в словарный запас, посмотрел на петуха с ненавистью и явно в данный момент переосмыслил свое отношение к сельской жизни.

– Кыш, – сказал он. – Кыш! Пошли вон!

Барон фон Клюв посмотрел на него с таким достоинством, что слово «кыш» само по себе почувствовало неловкость.

Я прикусила кулак сильнее.

Глебов поднял голову, посмотрел на забор, на щель, на мой огород и абсолютно точно увидел меня. Я была уверена,

что он меня видит. Не двигалась, стояла и смотрела в ответ.

Несколько секунд мы так и смотрели друг на друга через старый забор. Он был растрепан, раздражен и при этом выглядел так, что это было физически несправедливо.

Красивый, когда злится. Это проблема. Это серьезная проблема, Аглая.

– Доброе утро, Кирилл Михайлович, – сказала я невинно.
– Куры мои не забегали? А то запропастились куда-то, паразиты такие.

Пауза.

– Забегали, – сказал ровно. – И сейчас бегают.

– Надо же. Какие самостоятельные.

– Заберите их.

– Конечно. Сейчас, – я не торопилась. – Как спалось на новом месте? Невеста не приснилась? Говорят, рабочая примета.

– Аглая Серафимовна!

– Да?

– Заберите кур.

Голос был совершенно спокойным. Именно это и было страшнее всего – не когда кричат, а когда вот так, ровно, с интонацией человека, у которого кончается терпение, и он об этом прекрасно знает.

Он красиво злится. Это несправедливо и неконституционно. Но черт, как красиво.

– Матрена! – позвала я. – Домой!

Матрена посмотрела на меня. На Глебова. Приняла решение в мою пользу и направилась к забору. Остальные потянулись следом с такой неохотой, словно их прервали на важном деле.

Барон фон Клюв уходить не спешил. Он сел посреди чужого двора и сделал вид, что живет здесь всегда.

– Барон, – позвала строго.

Петух посмотрел в сторону.

– Барон.

Никакой реакции. Глебов смотрел сочувствующе.

– У вас петух не слушается, – заметил он.

– Он независимый.

– Он наглый.

– Это его позиция. И ее надо уважать.

Что-то в уголке его рта дрогнуло. Еле заметно, на долю секунды, но я заметила, потому что смотрела внимательнее, чем следовало бы.

Стоп. Хватит смотреть, Аглая! Хватит!

Барон фон Клюв в итоге соизволил подняться и проследовать к дыре в заборе с таким видом, словно это было его собственное решение и никто его ни о чем не просил.

Я шла следом, не оглядываясь. Или почти не оглядываясь. Один раз все-таки оглянулась. Глебов стоял на крыльце, смотрел мне вслед, и в его взгляде было что-то, что я не смогла сразу расшифровать, а потом решила не расшифровывать вообще. Так надежнее.

Вернулась на кухню. Дядя Петя ждал с последним пирожком.

– Ну как? – спросил он с надеждой.

– Нормально, – сказала. – Куры погуляли.

– И что он?

– Злился.

– Хорошо злился?

Отлично. Преступно хорошо. Совершенно возмутительно хорошо.

– Терпимо, – ответила и пошла ставить чайник.

Барон фон Клюв запрыгнул на подоконник и уставился в сторону соседского двора с видом стратега, планирующего следующую операцию.

– Не сегодня, – сказала я ему тихо.

Петух покосился на меня с сомнением.

– Я сказала: не сегодня. Мне надо подумать.

Думать требовалось о многом. И совсем не о войне.

Ну все, Аглая Серафимовна. Ты в беде.

Глава 4 Кирилл «Эта женщина меня убьет»

Юрист приехал ровно в одиннадцать.

Сухой, аккуратный, с папкой документов в руках, Роман Эдуардович Сайкин вышел из машины, огляделся и деликатно промолчал.

Это был высший профессионализм: Роман Эдуардович умел молчать так, что это читалось как развернутый юридический комментарий.

Паша поставил во дворе раскладной стол и два стула, найденные в сарае, и мы сели работать. Июльское утро было тихим, пахло травой и нагретым деревом, откуда-то доносилось пение птиц.

В общем, идиллия, если не знать, что за забором живет рыжая женщина, которая часом раньше увела своих кур, словно делала мне одолжение.

Первые полчаса шли нормально. Роман Эдуардович раскладывал документы, обозначал слабые места в переговорной стратегии, объяснял позицию по земельным участкам. Я слушал, делал пометки, думал о цифрах.

Потом за забором что-то кукарекнуло. Я продолжал смотреть в документы. Потом кукарекнуло еще раз – ближе.

Потом слышались шаги по доскам, характерный звук,

который я уже научился опознавать, и над верхним краем забора показалась рыжая голова в панаме набекрень.

– Доброе утро еще раз, – сказала Аглая Серафимовна, ни к кому конкретно не обращаясь, и исчезла.

Роман Эдуардович поднял голову.

– Соседка?

– Местная активистка. Очень активная активистка.

– Понятно, – он посмотрел на то место, где только что была голова в панаме, выражение его лица мне совершенно не понравилось, и вернулся к документам. – Продолжаем.

Продолжили. Минут через десять противный петух с пафосной кличкой возник у калитки – не знаю, когда и как он туда попал, калитка была закрыта. Петух сел перед ней, показывая свою вредность, весь в хозяйку.

Паша посмотрел на петуха. Петух посмотрел на Пашу.

– Прогнать? – спросил Паша.

– Он на улице. У нас нет оснований.

– Он смотрит.

– Пусть смотрит. К тому же он точно неадекватный, он уже клюнул меня сегодня.

Петух смотрел еще минут сорок, пока мы работали. Периодически кукарекал, делая это без видимой причины, просто чтобы обозначить присутствие. Роман Эдуардович к пятому разу перестал вздрагивать, что я счел профессиональным достижением.

После полудня мы собрали документы и поехали на встре-

чу.

Деревенский клуб оказался зданием, которое помнило советский оптимизм и с тех пор немного устало. Фанерная сцена, стулья с гнутыми ножками, на стене выцветший плакат с призывом беречь природу и портрет Гагарина – ему здесь явно были рады больше, чем мне.

Народу собралось человек тридцать. Вся деревня плюс вчерашний мужик, который пел песни под моим забором. Он занял место в первом ряду, потом пересел на последний, прихватив при этом чужой стул.

Я встал перед аудиторией с планшетом. Слайды, визуализация, цифры, все серьезно, все многократно проверено. Роман Эдуардович сидел сбоку, этот человек мог вытерпеть любое собрание, платил я ему достаточно.

Первые десять минут прошли нормально. Потом открылась дверь. И я понял, почему несколько голов в зале одновременно повернулись, через секунду.

Аглая вошла в синем сарафане в мелкий белый цветочек с тонкими завязками на плечах, который сидел на ней так, словно был сшит персонально и с исключительно недобрыми намерениями. Рыжие волосы убраны в простой узел, из которого выбивались пряди.

Никакого кокошника. Никакого самовара. И на том спасибо. Но все было значительно хуже.

Девушка прошла через весь зал, села в третий ряд, закинула ногу на ногу и посмотрела на меня с выражением, ко-

торое говорило о том, что она уже заранее знает финал этой истории.

Паша у стены повернул голову. Смотрел секунды три, потом еще две. Потом с выражением искреннего эстетического удовольствия он просто начал на нее пялиться.

Хватит.

Я продолжил.

– Проект предполагает создание инфраструктуры, которая даст деревне рабочие места, налоговые поступления и туристический поток...

– А поля? – спросили из задних рядов.

– Часть угодий будет выкуплена по рыночной цене...

– Выше рыночной, – сказал голос из третьего ряда.

Аглая смотрела с вежливым презрением.

– Рыночная цена на землю сельхозназначения за гектар в нашем районе гораздо выше, чем указано в вашей концепции. Как вы это объясните, Кирилл Михайлович?

Роман Эдуардович под столом что-то быстро написал в блокноте.

– Цифры корректируются в процессе переговоров.

– Хорошо. Еще вопрос: приоритет при найме для местных – это на каких позициях конкретно?

– На всех доступных.

– То есть уборка и обслуживание. Управленческие позиции, согласно данным на странице семь, предполагают внешних специалистов. Правильно читаю?

Зал оживился. Кто-то загудел одобрительно. Мужчина в последнем ряду перестал жевать и наострил уши.

Аглая не кричала. Не размахивала руками. Сидела в своем цветочном сарафане, иногда сверялась с телефоном и задавала вопросы тоном человека, которому искренне интересно – не нападала, а уточняла. Это было значительно страшнее нападения.

Следующие двадцать минут напоминали шахматную партию, в которой одна сторона пришла играть в шашки. Каждый мой тезис она разбирала спокойно, по существу, без лишних слов. Страница семь, страница четырнадцать, раздел про экологическую экспертизу, который я сам считал формальностью, все это она прочитала.

Все!

К концу встречи половина зала хотела денег за землю, половина хотела, чтобы все осталось как есть, и все хотели послушать, что еще скажет Аглая.

Я закрыл планшет. На выходе Паша возник рядом.

– Сложновато, – заметил он.

– Вижу.

– Она хорошо подготовилась, – пауза. – Кирилл Михайлович, я мог бы с ней поговорить. Неофициально. Люди открываются, когда расслаблены, можно выяснить, где у нее настоящая позиция, что ей реально нужно. Она явно не против пообщаться...

Я посмотрел на Пашу.

Паша смотрел на дверь, в которую только что вышла Аглая, с выражением, в котором читался конкретный план. С прогулкой. Возможно, с сеновалом и всеми вытекающими на нем романтическими последствиями.

– Нет!

– Я в смысле просто разузнать...

– Паша. Нет.

– Но...

– Одно слово еще – и поедешь в Москву сегодня и будешь стоять у входных дверей в офис.

Паша закрыл рот. Роман Эдуардович изучал потолок с профессиональным безразличием.

Мы вышли на улицу. Я шел к машине и думал о том, что злость на Пашу была совершенно непропорциональной его предложению. Технически он предложил разумный разведывательный маневр. Ничего личного.

Ничего личного. Сел в машину и уставился в окно.

Рыжая соседка пришла в 20:30. Я работал на крыльце с ноутбуком и давно остывшим чаем, переписывал раздел про найм и злился на страницу четырнадцать, которая действительно содержала ошибку. Это было обиднее всего – она была права.

Калитка скрипнула. Аглая шла через двор с тарелкой, накрытой полотенцем. Сарафан тот же, волосы заплетены в косу, никакой боевой позиции, просто она сама в тишине июльского вечера. Почему-то именно так, без кокошника и само-

вара, она была сложнее всего предыдущего.

– Добрый вечер. Пришла извиниться.

– За что?

– За Барона. Он с утра чуть вас не покалечил.

– Да, было дело. Но птица, что с него взять.

Она чуть приподняла бровь, явно не ожидала, что я не стану спорить.

– С чем пришли? – кивнул на тарелку.

– Пироги. С картошкой, без сюрпризов и специально без грибов.

– Спасибо, – я встал.

Девушка поднялась на крыльцо, прошла мимо меня к столу, слишком близко прошла, я почувствовал легкий аромат чего-то теплого, домашнего, ванильного. Поставила тарелку и пошла обратно.

Проход был узким. Она остановилась. Я не отодвинулся.

Несколько секунд мы стояли так. Аглая смотрела на меня снизу вверх, и в ее глазах не было ни иронии собрания, ни искры утренних диверсий. В них было что-то другое, которое она, судя по выражению лица, предпочла бы не показывать.

– Страница семь. Пропишите конкретику по найму. Квоты, должности, ставки. Если хотите, чтобы люди поверили.

– Вы пришли мириться или консультировать?

– Я пришла с пирогами. Это просто наблюдение. Бесплатно.

– Мне не нужны бесплатные наблюдения.

– Вам нужно согласие деревни.

– А деревня смотрит на вас.

– Да, – сказала просто. Без торжества, без игры. Просто факт.

– Значит, если я договорюсь с вами...

– Этого никто не обещал, – ответила слишком быстро, и это была первая трещина в ее голосе за два дня.

– Но это было бы проще.

– Проще не значит правильно.

– Спасибо за пироги, – сказал я.

– Пожалуйста. И еще страница четырнадцать. Ошибка в расчете инфраструктурной нагрузки. До следующей встречи исправьте.

– Уже исправляю.

Она моргнула. Этого явно не ожидала. Потом ушла, не оборачиваясь, а я остался на крыльце.

За забором Барон фон Клюв кукарекнул коротко и, как всегда, с комментарием.

– Заткнись, – сказал я негромко.

«*Эта женщина меня убьет*», – подумал я и не двинулся с крыльца еще минут десять.

Глава 5 Аглая «Я не должна хотеть этого мужчину»

Мне приснился сон. Нехороший сон. Вернее, очень хороший сон, что и делало его нехорошим.

Подробности я не стану описывать из соображений самоуважения, но скажу, что в этом сне фигурировал определенный мужчина без рубашки, июльский вечер, и никакого забора между нашими дворами – нового барина и моего – не было вообще. Совсем. И мне это не мешало.

Проснувшись я в шесть утра с красными ушами и твердым намерением немедленно заняться делом. Любым. Желательно громким и физическим, чтобы выбить из головы все лишнее.

«Это просто сон, – сказала я себе строго, вставая с кровати. – Мозг работает ночью без цензуры. Это не значит ничего. Это физиология. Это все потому, что давно не было мужчины. Насколько давно, лучше не вспоминать».

Открыла окно, Барон фон Клюв сидел на заборе и смотрел на меня так, словно он знал все.

– Молчи, – предупредила я его.

Он промолчал. Что само по себе было красноречивее любого кукареканья.

Умылась, поставила тесто, перемыла всю посуду, пропо-

лола грядку с морковкой, починила петли на калитке и в половине девятого стояла на крыльце в домашней майке и шортах, пила чай и убеждала себя, что полностью пришла в норму.

Майка была старая, еще студенческая, короткая, с надписью «Сочи 2014», но дома можно и так. Никто не смотрит.

Никто не смотрит, Аглая.

В это время заскрипела калитка.

Валера появился во дворе с букетом полевых цветов размером примерно с небольшой стог сена. Васильки, ромашки, иван-чай, что-то желтое, чему я не знала названия.

Валера вообще любил масштаб. Он был тракторист, и подход к жизни у него был соответствующий: если делать – то с размахом, если молчать – то фундаментально.

– Аглаюшка, – сказал издавека, протягивая букет и улыбаясь так, как улыбаются люди, уверенные в хорошем приеме, – доброе утро. Пришел узнать, как ты.

– Привет, Валер. Нормально.

– Слышал, ты с этим московским опять воевала на собрании.

– Не воевала, а задавала вопросы по делу.

– Одно и то же, – он шагнул на крыльцо, положил букет на перила, оглядел меня с той спокойной мужской уверенностью, которая в нем всегда немного раздражала. – Пойдем погуляем вечером? На озеро. Мы давно не гуляли.

И вот в этот конкретный момент, пока я набирала воздух,

чтобы сказать что-нибудь вежливое и уклончивое, потому что «гуляла» я с Валерой всего пару раз, и то сама не знаю почему, боковым зрением уловила, как на соседнем крыльце открылась дверь.

Глебов вышел с кружкой кофе. Снова без рубашки.

Ну конечно. Утренний стриптиз никто не отменял.

Я не знаю, что на меня нашло. Клянусь, не знаю. Что-то внутри сработало раньше, чем голова успела вмешаться. И я вдруг громко засмеялась, подхватила букет с перил, прижала к груди и посмотрела на Валеру таким взглядом, каким, по мнению режиссеров романтических фильмов, смотрят женщины, которым только что сказали что-то восхитительное.

– Какие цветы, Валерочка, – сказала с интонацией, которую сама от себя не ожидала. – Ромашки мои любимые и васильки.

Валера опешил. Он знал меня достаточно давно и прекрасно понимал, что «Валерочка» из моих уст звучит примерно раз в год и исключительно по особым поводам.

– Ну... да, я помню, – сказал Валера и моргнул.

Я шагнула к мужчине, поправила воротник его рубашки. Совершенно без причины – воротник был в полном порядке. Просто поправила, потому что в кино всегда так делают, и это всегда работает.

Господи, что я делаю?

Валера мгновенно истолковал это как зеленый свет. Я его понимаю, с его точки зрения иначе и быть не могло. Он шаг-

нул вперед, обнял меня одной рукой за талию и потянулся к щеке.

– Валер, – сказала, отклоняясь.

– Аглаюш...

– Валера.

– Ну ты же сама...

– Я поправила воротник. Это не приглашение в койку.

Он отступил, обиженно засопел, не понимая, почему правила игры поменялись в середине партии. Обиженно, но без скандала. Валера был незлобивый, это у него всегда было хорошее качество.

Я краем глаза посмотрела на соседнее крыльцо.

Глебов стоял там и смотрел, не двигаясь с места, за то время, пока у меня было помутнение сознания, к нему присоединился охранник Паша.

Глебов смотрел не с любопытством и не с иронией. А с каким-то выражением, которое я затруднилась бы назвать точным словом, но которое определенно не было нейтральным. Взгляд был тяжелым, сосредоточенным и направленным именно на Валерину руку, которая секунду назад лежала у меня на талии.

«Ого, – подумала я. – Ого, Аглая Серафимовна. Это интересно».

Валера что-то почувствовал, у мужиков это, наверное, на уровне инстинкта. Обернулся, увидел Глебова. Посмотрел на меня. Снова на Глебова.

– Это он, что ли? – сказал Валера негромко.

– Это сосед. Временный. И да, это он.

– Понятно, – сказал Валера, но его тон говорил ровно про обратное.

Он аккуратно, без слов забрал у меня букет, положил его обратно на перила, взял мое лицо обеими руками и смачно поцеловал в губы, а потом пошел к калитке. На выходе обернулся:

– Аглаша, ты всегда знаешь, где меня найти. Буду ждать.

Это что за выступление сейчас было?

И спокойно, без хлопанья калиткой ушел, по-валерински. За это я его и уважала. Я повернулась к соседнему двору.

Глебов все еще стоял на крыльце, кружка с кофе в руке, взгляд на меня. Никакой рубашки. Это было абсолютно возмутительно и совершенно не помогало думать. Паша стоял, открыв рот, и это было забавно.

– Доброе утро, Кирилл Михайлович, – сказала через забор и показала лучшую свою улыбку.

Он не ответил сразу. Смотрел секунды три. Потом произнес:

– Доброе.

Одно слово. Голос ровный, как всегда. Но взгляд никуда не делся, он был все такой же тяжелый, все так же направлен на меня, и теперь, когда Валеры не было, он переместился с плеча чуть выше. То есть на меня. На всю меня.

Я стояла на крыльце в майке «Сочи 2014». Старой, корот-

кой, домашней. Той самой, которую надевают, когда никто не смотрит.

И тут я опустила голову.

Майка была очень короткой. Она была очень старой и очень тонкой. И на мне не было ничего под ней. Совсем ничего, потому что в шесть утра на собственном крыльце это казалось совершенно лишним.

О нет. Он видел все! И Валера тоже!

Подняла взгляд, Глебов смотрел на меня, и в его лице появилось что-то, чего я раньше не видела. Не ирония и не холодная деловитость, а что-то значительно опаснее. Он толкнул Пашу в бок локтем, тот закашлял.

Я развернулась и ушла в дом с такой скоростью, которая в других обстоятельствах могла бы считаться бегством. В коридоре остановилась, прижалась спиной к закрытой двери и уставилась в потолок.

Барон фон Клюв уже сидел на сундуке и смотрел на меня с хорошо знакомым выражением.

– Молчи, – сказала.

Он молчал.

Ну все, Аглая Серафимовна. Это уже не война. Это катастрофа.

За дверью, на соседнем крыльце, было тихо. Но я почему-то была уверена, что он еще стоит там с кружкой кофе и смотрит на мою закрытую дверь.

Я не должна была хотеть этого мужчину. Категориче-

ски не должна.

Глава 6 Кирилл «Я здесь по делу. Напоминаю себе»

Сон был неприличным.

Не в том смысле, что страшным или тревожным, с такими я умею работать, это просто нервная система.

Сон был неприличным в другом, значительно более конкретном смысле. Со вполне определенным содержанием, рыжими волосами в главной роли и полным отсутствием одежды между двух тел.

Проснулся в половине седьмого с жутким стояком, которого мне еще не хватало до кучи в этой деревне – к первой куче проблем.

Несколько минут лежал, уставившись в деревянный потолок с мыслью о том, что месяц в деревне явно влияет на психику быстрее, чем я рассчитывал. И что как бы не пришлось вызывать сюда Селену.

«Это просто реакция на стресс, – сказал я себе. – Новая обстановка, непривычный режим, отсутствие нормального кофе. Мозг компенсирует. Ничего личного».

Встал. Умылся холодной водой из рукомойника, баня с птенцами в дымоходе все еще была нетронутым птичьим заповедником. Открыл ноутбук, нашел страницу четырнадцать с проклятой ошибкой в инфраструктурной нагрузке и

попробовал сосредоточиться на цифрах.

Цифры стояли на месте и молчали. Сон не уходил. Член стоял все так же крепко, цифры не помогали. Через какое-то время сдался, сварил кофе в турке на газовой плите, мы с Пашей наконец освоили этот процесс после двух дней экспериментов, и вышел на крыльцо.

Утро было тихим, влажным, пахло скошенной травой и цветами. Солнце поднималось над березами, деревня еще не проснулась толком, и в эту минуту Малые Петушки выглядели именно так, как написано в концепции: *«нетронутая русская природа с огромным туристическим потенциалом»*.

Сделал глоток кофе и напомнил себе, зачем здесь нахожусь. Бизнес-план. Фельцман. Спор. Месяц в деревне. Работающий актив на выходе. Все просто. Все четко. Все под контролем.

В этот момент со стороны соседнего двора скрипнула калитка. Я скосил взгляд автоматически, без особого умысла. Просто обернулся на звук.

На крыльце дома через забор стояла Аглая Серафимовна Василькова в майке, которая, по всей видимости, помнила сочинскую Олимпиаду лучше, чем большинство ее участников.

Короткая и тонкая майка с надписью, которую я разглядел только потому, что невольно смотрел достаточно внимательно. Надпись красовалась на груди, на которую и слепой бы обратил внимание.

Рядом с ней стоял мужик.

Широкий в плечах, в клетчатой рубашке и кепке, с букетом полевых цветов, который по объему мог бы украсить областной праздник. Он что-то говорил ей, улыбался, и во всей его позе читалась спокойная уверенность человека, который считает этот двор практически своим.

Что за хмырь?

Не вопрос. Просто мысль. Просто информация к сведению.

– Доброе утро, Кирилл Михайлович, – сказал Паша, возникая рядом с собственной кружкой. – Кофе у вас хорошо вышел сегодня.

– Угу. Но надо будет привезти кофемашину, так мы долго не протянем.

– Угу, согласен. Красивый букет у мужика.

– Паша.

– Я просто говорю. Большой такой. Щедрый человек, видно.

Сделал глоток кофе и продолжил смотреть в сторону деревни. Не на них, просто в сторону деревни. Там были деревья, небо, перспективные с точки зрения застройки уголья. Много всего интересного.

– Это тракторист ихний, – сообщил Паша с интонацией экскурсовода. – Валерой зовут. Местный. Давно за ней ухаживает, говорят.

– Откуда знаешь?

– Степаныч рассказал. Степаныч вообще много знает. Исчерпывающий источник.

На соседнем крыльце что-то произошло. Аглая вдруг громко, с размахом засмеялась, прижала букет к груди и посмотрела на тракториста таким взглядом, который у меня в голове почему-то немедленно получил определение «нарочитый». Потом шагнула к нему и поправила воротник рубашки.

Тракторист обнял ее за талию и потянулся щекой к щеке.

– Хм, – сказал Паша.

– Не комментируй.

– Я ничего не говорю.

– Вот и хорошо.

– Просто наблюдаю.

Поставил кружку на перила с некоторым усилием. Страница четырнадцать ждала. Фельцман ждал.

Весь бизнес-план ждал немедленного возвращения за ноутбук, и именно этим я должен был заниматься в половине девятого утра, а не стоять на чужом крыльце в деревне и смотреть на то, как местный тракторист обнимает рыжую соседку.

Аглая при этом уклонялась. Это я тоже заметил, хотя не собирался замечать ничего подобного.

– Отклоняется, – сообщил Паша, как будто я попросил его о синхронном переводе.

– Я вижу.

– Значит, не совсем серьезно у них.

– Паша, я прошу тебя заткнуться.

– Да-да, молчу.

Тракторист в клетчатой рубашке не сдавался. Он был, судя по всему, человеком настойчивым, что неудивительно для профессии, где основной рабочий инструмент весит несколько тонн. Обнял крепче. Аглая что-то ему сказала и снова отстранилась.

Потом посмотрела в нашу сторону.

Взгляд у нее был быстрый, оценивающий. Длиной ровно в секунду, не больше. Но я этот взгляд поймал, потому что, к своему искреннему сожалению, смотрел именно туда.

– Она на вас посмотрела, – сообщил Паша.

– Заметил.

– Интересно смотрела.

– Паша.

– Молчу, молчу.

Тракторист тоже что-то почувствовал. Обернулся, увидел нас, если точнее – меня, потому что на Пашу никто особо не смотрит, и лицо у него приобрело выражение, которое я хорошо умею читать после многолетних переговоров. Мужчина оценивает конкурента. Базовая реакция, древняя как мир.

«Я не конкурент, – напомнил я себе. – Я здесь по делу».

Тракторист принял какое-то решение. Забрал у Аглаи букет, положил обратно на перила, взял ее лицо обеими рука-

ми и поцеловал. Коротко, уверенно и с очевидным расчетом на аудиторию.

Пауза.

– Ну, – сказал Паша. – Ну, это уже перебор.

Я не ответил, смотрел в пространство между забором и березой на горизонте. Там было совершенно пустое небо, никаких раздражающих объектов.

Тракторист ушел. На выходе обернулся, сказал что-то Аглае и скрылся за калиткой. Спокойно так, по-хозяйски.

Аглая осталась стоять на крыльце. Повернулась к нашей стороне забора и улыбнулась, я был уверен, своей лучшей улыбкой, той самой, с которой она три дня назад встречала меня с самоваром.

– Доброе утро, Кирилл Михайлович.

– Доброе, – одно слово. Больше не требовалось.

Она стояла на крыльце, и июльское утро светило ей в спину, было видно полную большую грудь, даже темные ареолы сосков. А я вроде как был взрослым человеком с высшим образованием, десятью годами в бизнесе и элементарным самоконтролем.

Рядом Паша набрал воздух.

– Кирилл Михайлович, – произнес он севшим голосом, – вот за это надо было спорить с Фельцманом.

Я молча ткнул его локтем в бок, Паша закашлял. Аглая тем временем опустила взгляд, потом подняла.

Потом снова опустила, и я увидел именно тот момент, ко-

гда она сообразила, что на ней надето. Лицо у нее не изменилось, но уши стали заметно розовее. И девушка быстро скрылась в доме.

– Слушайте, – сказал Паша после паузы, – у нее там...

– Паша.

– Нет, я серьезно, это просто объективно...

– Паша. Если ты заканчиваешь эту фразу, ты едешь в Москву сегодня. Следить за входной дверью офиса.

Паша закрыл рот. Потом открыл снова.

– Но вы же сами видели.

Взял кружку, зашел в дом и закрыл за собой дверь.

Страница четырнадцать смотрела с экрана с немым укором. Рядом лежала распечатка бизнес-плана, поверх которой я вчера ночью написал от руки несколько правок. Все ждало. Фельцман ждал. Спор ждал.

Сел за стол, открыл нужную страницу, уставился в цифры.

В голове стояло июльское утро, тонкая майка, красивая грудь и улыбка, которую Аглая Серафимовна Василькова придерживала для особенных случаев.

«Ничего личного», – сказал я себе в третий раз за утро.

Цифры сочувственно молчали.

Глава 7

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.